

Бесстрашный народ

СЕНСАЦИОННОЕ
ПРИЗНАНИЕ
ЕВГЕНИЯ БУНИМОВИЧА

ЭТИ ПИСАТЕЛИ!

Большинству москвичей знаком депутат столичной Думы Евгений Бунимович. Выпускники многих лет и нынешние десятиклассники одной из московских школ знают учителя математики Евгения Абрамовича Бунимовича, между прочим, автора ряда учебников и задачников. Литературно-окололитературная тусовка еще не вполне забыла Бунимовича-поэта, одного из основателей легендарного клуба «Поэзия». Да еще недавно какой-то Бунимович появился на радио «Маяк»! Я знаю Женю не один год и решила попробовать во всем этом разобраться.

— Говорят, некий Бунимович ведет на радио «Маяк» литературную передачу. Понятно, что это не ты — не депутатское это дело! Но кто тогда? И что за передача?

— Недавно на «Эхе Москвы», на передаче «Родительское собрание», один из оппонентов сказал мне: я помню стихи одного Бунимовича, не ваш ли это родственник? Вынужден был признать, что это попросту я. Ту программу, о которой ты спрашиваешь, тоже я веду. Это писательские диалоги в рамках «Звездной гостиной», которые выходят, начиная с лета, по средам, с 21.00 до 22.00. Иногда в это время ведет свою программу о детской литературе Марина Москвина, но две-три передачи в месяц у меня получаются.

— Как тебе, при безумной загруженности, пришло в голову взяться за это?

— Первым порывом было, конечно, отказать. Но, подумав, я решил, что это может быть интересно — при условии, что писатели будут говорить не о литературе, а о жизни. Что думает известный писатель такой-то о культуре, об образовании, о Москве, о России, да о чем угодно, кроме злобы дня, которой и без нас хватает. Ведь писатели все-таки мыслят нестандартно, и мнение каждого из них — вещь штучная.

— А почему радио? Такое впечатление, что сегодня его слушают только в машине и только музыку. Ну еще о пробках и о погоде. А вот телевизор, действительно, смотрят буквально все.

— Представь себе, «Маяк» по традиции многие слушают! И в Москве, и особенно в провинции. Еще сохранилась привычка слушать на кухне радио. И не пенье-танцы, а разговоры, какие-то обсуждения. К моему изумлению, у программы появились постоянные слушатели. Разговор у нас идет пристальный, не как на телевидении, где сразу предупреждают: не больше двух минут...

— ...да и от тех при монтаже половиною отрежут!

— А у нас все идет в эфир вместе с паузами, с кашлем. Я просил редактора Елену Кадушеву их не убирать. Если писатель задумался и не сразу отвечает на вопрос, то не надо этого теленачетничества: не успели спросить — хоп, уже и отвечают, все от зубов отскакивает. Пусть писатель подумает, а вместе с ним и радиослушатель, который, раз слушает эту передачу, тоже ведь не последний debil. А то мы в этом смысле совсем западные стали, там, как известно, даже из постановок по Чехову все паузы убирают. Иногда, наоборот, мы говорим очень быстро, а то и перебивая друг друга. Это тоже считается браком, но мы не выбрасываем. И пусть даже не все слова слышны, но зато возникает ощущение живой беседы.

— Повторяют ли эту передачу? А то услышишь от кого-то, что было здорово, и хочется послушать своими ушами.

— К сожалению, нет. Для повторов тоже нужно время.

— Но ведь радио же работает и днем, и ночью. У нас сейчас многие ведут ночной образ жизни, а кому-то и просто не спится...

— Пока и о ночи речи нет. Думаем выпустить книжку, куда войдут самые интересные беседы.

— По какому принципу ты приглашаешь писателей к себе в программу?

— Радио — это тоже СМИ, стараемся привлекать к поводу. Это может быть книжная ярмарка во Франкфурте или нон-фикшн в Москве, «Букер», «Дебют», да тот же «Московский счет» — идея-то премии моя, но выбор делают сами поэты. В этом году ее лауреатом стал Максим Амелин, которого я пригласил по этому поводу. Вообще-то он человек закрытый, но в передаче рассказал много интересного. В какой-то момент люди забывают, что это радио. Мы начинаем говорить до эфира и продолжаем после того, как он закончился. Здесь еще важно то, что я человек для своих собеседников не чужой. И уже несколько раз кто-то после записи говорил: «Ну ты меня и раскрутил».

— Может, хотя бы один примерчик, на что именно раскрутил?

— Практически со всеми собеседниками мы знакомы, с кем-то больше, с кем-то меньше. Пересекаемся, пьем вместе кофе и не только. Можно выпить сколько угодно, можно прочитать все книги собеседника, но не знать, например, из какой он семьи. С большим удивлением обнаружилось, что многие писатели, очень разные, вышли из семей советского офицерства. Очевидно, гарнизонная жизнь весьма способствует уединенным размышлениям и писательству. К тому же это жизнь кочевая, и ребенок видит самые разные вещи.

— К тебе на передачу приходят в том числе и авторы довольно толстых книг. Улицкая, Кабаков, Славникова... «Венок на могилу ветра» Алана Черчесова, знаю, даже не все критики сумели одолеть... Но, чтобы общаться с писателями, даже и про жизнь, надо ведь их книжки читать...

— Всегда читал во время школьных каникул. Зимних, а особенно летних. Поэтому никогда не мог попасть в тот момент, когда все обсуждают какой-то модный роман. Стихи — совсем другое дело. Вначале думал, что смогу и не читая вести передачу, ведь мог же в школе, не читая Некрасова, получать за сочинение по нему пять баллов. Но когда сидишь и час разговариваешь глаза в глаза... Поэтому честно признаюсь, если что-то не читал. С тех пор, как веду передачу, стал читать гораздо больше. Вот наш министр обороны не читает современную литературу, потому что считает, что ее нет. А я уверен, что есть.

— На то, чтобы читать, нужно время. Или у тебя в сутках не 24 часа, как у всех? А может, ты знаешь какое-то хитрое слово?

— Представь себе, знаю! Просто надо заниматься тем, что твое.

— Что любишь?

— Можно любить танцевать на сцене Большого театра, но... Нет, именно тем, что твое. Что любишь и можешь. Я учитель в третьем поколении. Да и теща была доктором педагогических наук, ее очень удивляло, что я почти никогда не готовлюсь к урокам — это страшное признание, исключительно для «Вечерней Москвы». Но ведь это мое, я родился в семье математиков: папа, мама, бабушка, старший брат, сын, жена сына — все математики! Поэтому язык математики для меня совершенно естественный, и готовиться дать на нем урок — это все равно, что го-

товиться говорить по-русски. Вот когда надо говорить по-английски, готовлюсь. Французский знаю лучше — готовлюсь меньше. Если бы передача была не о литературе, пришлось бы готовиться. А тут перед передачей приносят листочек со свежими фактами — просто для того, чтобы от чего-то оттолкнуться. Перед эфиром заезжаю в книжный, покупаю книгу писателя, который ко мне придет. Решил собрать коллекцию автографов, не вообще, а тех, которые дарят после передачи. Кроме того, интересно, какие книги этого писателя есть в продаже.

— А всегда что-то есть?

— Нет, не всегда. Вот накануне передачи с Люсей Улицкой зашел, смотрю на полки — а ее «Шурика» нет. Спрашиваю у продавца, а мне и говорят: Улицкая выложена у кассы. Первый же мой вопрос к ней: каково быть писателем, чи книги стоят не на полках с современной русской литературой, а выложены у кассы? Второй вопрос: а как надо писать, чтобы тебя выложили у кассы? И можно ли так написать специально? А в разговоре с Сережей Калединым, наоборот, спросил: каково быть писателем, у которого когда-то книги выкладывали у кассы, а сегодня их и вообще-то с трудом можно найти? А еще рассказал ему, что по дороге на передачу встретил одного поэта, своего давнего приятеля. Узнав, что у меня в эфире будет Каледин, он сказал: «А, это второй муж моей первой жены». Я это озвучил для того, чтобы показать радиослушателям, как тесен наш литературный мир, о котором, кстати, Каледин написал роман.

— Бесстрашный народ эти писатели! Ничего не боятся!

— Многие книги берутся из себя, лирический герой писателя — это он сам. А как потом жить? Тебе ведь встречаться с теми, кого ты описал.

— А то и жить в одной квартире...

— Есть и еще одна проблема. Всегда, начиная передачу, говорю: сегодня у нас в гостях известный писатель... Встает вопрос: кому известный? В этом смысле была совершенно очевидной ситуация с Василием Аксеновым. Наконец-то увидел, что такое известный писатель. Посмотреть на него выходили люди из других студий. А ведь это было до телесериала «Московская сага» и до «Букера». Но приходят и на передачи с молодыми писателями. Потому что сотрудники — люди тоже молодые, и им интересно то, что говорят Андрей Геласимов, Олег Шишкин или тот же Максим Амелин. Если человек, который записывает передачу, слушает, — это для меня хороший знак. А уж если зовут друзей, коллег... С молодыми держимся взаимно, получается такая пикировка поколений. Хотя иногда идет сплошной сленг, и приходится переводить с русского на русский. Но не только их. Вот у меня был критик и литературовед Дмитрий Бак. Он иногда говорил что-то столь изысканное! Пришлось объяснять радиослушателям, что имелось в виду.

— Не страдают ли от этого нового твоего увлечения твои ученики?

— Конечно. Да и сам страдаю. Когда обо мне пишут, то про школу говорят в прошедшем времени. Никому почему-то в голову не приходит, что я продолжаю преподавать. Нет, это не для имиджа — уже почти 30 лет в школе, что-либо изображать поздно. Для меня школа — не совсем нагрузка, а самое естественное из всех моих дел. Сейчас преподаю только один день в неделю. Но зато в это время отключаю телефон, чего вообще-то никогда не делаю. Со специальным математическим классом мы работаем с погружением, которое может длиться и два, и три, и четыре урока подряд. Это не школьный курс, а дополнительный, углубленный. В математике есть много безумно красивого. Я вижу, как десятиклассники это впервые постигают, завидую им и радуюсь. Но говорю с ними не только о математике. Конечно, все это какую-то энергию забирает, но дает еще больше!

— А работа в Мосгордуме, она отбирает — или же дает?

— Когда занимаюсь своими вопросами — образованием, культурой, искусством, округом, что бы там ни было, это дает. Но приходится заниматься и многим другим, а я человек ответственный. Не зря ведь всегда выбирали старостой всех литературных студий! В Думе надо быть профессионалом в довольно широком круге вопросов, что требует серьезной подготовки. Хорошо бы с чиновниками говорить на их языке, но я говорю на своем. Хотя бы потому, что уже поздно переучиваться. Если попытаюсь, то буду говорить с заметным акцентом. И это — проигрыш. А так вижу, что слушают. Хотя, конечно, если честно, работа в Думе больше отбирает, чем дает.

— После Думы, после школы, после радиопередачи остается ли что-то от Бунимовича бедной крошке — поэзии?

— Да, это вопрос болезненный. Но тут все наоборот. Сначала я стал мало писать. Образовалась дыра, которую надо было чем-то заткнуть. Вот тут-то и пригодились природная ответственность, организаторские способности. Произошла некая сублимация. Но вот сейчас снова начал писать. Пока не буду предьявлять новые тексты, скажу только: они немного другие, чем те, что я писал раньше.

Ведущая полосы
Юлия Рахаева
Julia.Rahaeva@vm.ru

